

ВЛАСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ЯКУТИИ В 1920-Е ГОДЫ

Е. П. АНТОНОВ, кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия)

В 1920-е годы отчетливо прослеживаются три этапа взаимоотношений между властью и интеллигенцией. Первый из них — «военный коммунизм» (1920—1922) характеризовался ярко выраженным и открытым противостоянием. По обвинениям в участии в «контрреволюционных заговорах» были ликвидированы общества «Саха аймах» и «Саха омук», а большинство беспартийных интеллигентов отказались работать в обществе «Манчаары»¹. В 1922 г. органы ВЧК по подозрению в контрреволюционном националистическом заговоре «Братья якуты» арестовали членов литературного кружка педагогического техникума «Кэскил». Материалы следствия свидетельствуют, что обвинения строились на «песке» — безобидных высказываниях студентов на заседаниях литкружка. К примеру, И. В. Ксенофонтова «взяли» за доклад, в котором говорилось, что якутский хор подражает русскому и хористы поют по нотам, а следовало бы петь старинным якутским мотивом. Таким образом, с первых дней установления советской власти в Якутии органы ВЧК начали внедрять свою агентуру и «следить» за интеллигенцией².

Первые ревкомы в Амгинском улусе в 1920 г. начали свою деятельность с террора, беспричинных массовых арестов неугодных режиму лиц и реквизиции у них скота и личного имущества. Часть арестованных отправили под конвоем в Якутск, но там их по распоряжению губчека освободили. Оставшихся в улусе арестантов использовали на принудительных работах по постройке казармы. Среди заключенных оказался бывший глава Амгинского улуса А. П. Рязанский, которому чекисты предложили должность секретаря. Но возмущенный массовыми репрессиями он отказался от такого «сотрудничества». В ответ чекисты продержали его в заключении целый месяц и вдобавок оклеветали перед председателем губревкома П. А. Ойунским, по распоряжению которого А. П. Рязанский провел в тюрьме Якутска три недели. Он был освобожден по постановлению губчека и, очутившись на свободе, написал заявление о левачьих перегибах в Амгинском ревкоме. По материалам служебного расследования в октябре 1920 г. амгинских ревкомовцев арестовали, но через месяц амнистировали. Освобожденные «леваки» не преминули возможностью расквитаться. В феврале 1921 г. на Чурапчинской беспартийной конференции они добились принятия постановления о заключении А. П. Рязанского в лагерь принудительных работ на три месяца³. Путем насилия и психологических устрашений власти пытались искоренить малейшее недовольство среди

интеллигенции. Этот пример говорит о разных приемах карательной политики улусных и областных органов ЧК.

Второй этап начался в 1922 г., когда в Якутии был введен нэп, провозглашен гуманный военно-политический курс и приобретен статус автономии. Партийно-советское руководство республики во главе с М.К. Аммосовым, И.Н. Барановым, П.А. Ойунским, К.К. Байкаловым и др. признало интеллигенцию в качестве реальной политической силы, с которой следует искать общий язык для совместной деятельности в области государственного, хозяйственного и культурного строительства. Власти Якутии стали рассматривать общество «Саха омук» (цвет национальной интеллигенции) как культурное объединение и лишь отчасти как общественно-политическое⁴. Это породило «сменовеховские» идеи К.О. Гаврилова о создании политической организации интеллигентов, приравненной по своим правам и полномочиям к местной организации ВКП(б). Но резкая отповедь со стороны К.К. Байкалова и гуманная политика нового руководства привели к тому, что по утверждению первого секретаря Якутского ОК Е.Г. Пестуна к 1924 г. национальная интеллигенция «...изжила внутри себя течение, претендовавшее на роль гегемона в автономном строительстве». Общество «Саха омук» отказалось от роли политической организации и занялось культурно-просветительской деятельностью, содействуя в этом местному Наркомату просвещения и Политпросвету⁵. Таким образом, передовые деятели якутского народа активно сотрудничали с властью в ходе экономического, социального и культурного строительства и формирования государственности в форме автономной республики и никакой оппозиционной по отношению к режиму работы не проводили.

Но и в разгар нэпа партийно-советское руководство свою политику по отношению к интеллигенции определяло, исходя из позиции сибирских и центральных органов власти. К примеру, в мае 1924 г. первый секретарь Якутского обкома РКП(б) Е.Г. Пестун в своем закрытом письме Сибкрайкому информировал о дискуссии вокруг объединения двух культурно-просветительных обществ «Саха омук» и «Аннях». Он считал, что этот частный вопрос непосредственно связан с позицией компартии по отношению к национальной интеллигенции, поэтому исходил из того, что если интеллигенцию нужно использовать для советского строительства и рассматривать её в качестве «моста» между властью и середняками, тогда следует слить эти два объединения. Если же интеллигенция не может пользоваться доверием партии из-за её участия в повстанческом движении 1921—1922 гг., то необходим бойкот общества «Саха омук» и ориентация на бедняков и красных партизан⁶. Это письмо свидетельствует о «готовности» Якутского обкома во главе с Е.Г. Пестуном изменить позицию власти по отношению к интеллигенции в любой момент.

Подозрительность к «бывшим», в том числе и к приглашенным крупным специалистам, крепко сидела в сознании партийцев. Так, в частности, считал В.В. Никифоров, которого в 1923 г. уговорил сотрудничать и лично гарантировал заступничество от репрессий председатель СНК И.Н. Баранов. Между тем к Василию Васильевичу сложилось предвзятое отношение, по многочисленным доносам его уволили с занимаемой должности в Центральном издательстве народов СССР, сотрудники ОГПУ произвели у него обыск. В.В. Никифоров понял, что никакая его организаторская, культурная и научная деятельность удовлетворить власти Якутии не сможет⁷. Меры воздействия на интеллигенцию в период нэпа носили «смягчённый» характер, обусловленный попыткой «советизировать» интеллигентские кадры. Но и такого рода отношения являлись по существу социальной дискриминацией.

С конца 1920-х годов и до конца 1930-х годов взаимоотношения между властью и интеллигенцией вновь стали напоминать отношения эпохи «военного коммунизма», поскольку стало проявляться стремление властей к тотальному контролю над передовыми деятелями республики. В связи с усилением культа личности Сталина, подавлением повстанческого движения конфедералистов и выходом постановления ЦК ВКП(б) «О положении в Якутской организации» от 9 августа 1928 г., «раскрытием» многочисленных «антисоветских, националистических заговоров» началась массовая дискриминация интеллигенции, в первую очередь национальной. Оказалась разрушенной преемственность духовных традиций, серьезно деформирована национальная политика, происходило огосударствление национальных и культурно-просветительных объединений и свертывание краеведческого движения⁸.

Партийно-советское руководство республики стремилось определять ценность интеллигенции прежде всего классовым происхождением и приверженностью коммунистической идеологии, нежели её уровнем знаний и профессионализмом. В первую очередь гонения были направлены против интеллектуальной и нравственной элиты представителей умственного труда, а не против каких-либо групп интеллигенции вообще. Власть стремилась заменить интеллигенцию специалистами, т.е. интеллектуальными «винтиками». Командно-административная система не нуждалась в творчески и самостоятельно мыслящих личностях. Для достижения этого она использовала также «подкормку» интеллигентов путем присуждения им наград, присвоения званий, доступа к закрытым распределителям и т.д.⁹

Таким образом, в 1920-е гг. взаимоотношения между интеллигенцией и властью носили неоднозначный характер. В годы «военного коммунизма», свертывания нэпа и подавления движения конфедералистов партийно-советские органы совместно с органами безопасности жестко контролировали духовную жизнь передовых деятелей народа. В это время широко применялись дискриминационные меры к действительным и мнимым оппонентам компартии. В период нэпа и провозглашения гуманного военно-политического курса, несмотря на боязнь «инакомыслия» и стремление к контролю деятельности интеллигенции, власть сотрудничала и находила «общий язык» с её немногочисленными представителями, в том числе и участниками повстанческих движений. В 1920—1930-е годы происходило формирование новой советской якутской интеллигенции, которая лояльно относилась к режиму.

¹ Антонов Е.П. Культурно-просветительное общество «Саха омук» 1920—1928 гг. Новосибирск, 1998. С. 79—80.

² Он же. «Заговорщики» из педтехникума, «братья якуты» и другие... // Республика Саха. 1994. 8 сент.

³ Архив УФСБ РФ по РС (Я). Д. 4372р, л. 302—303.

⁴ Антонов Е.П. Интеллигенция Якутии 1922—1938 гг. Якутск, 1998. С. 114.

⁵ ГАНУ. Ф. 1, оп. 2, д. 381, л. 24.

⁶ Там же. Ф. 2, оп. 2, д. 32, л. 51.

⁷ Архив УФСБ РФ по РС (Я). Д. 4207р, л. 122.

⁸ Антонов Е.П. Культурно-просветительное общество «Саха омук»... С. 80.

⁹ Он же. Интеллигенция Якутии... С. 113—114.

SUMMARY: The author of the article “The Authorities and National Intelligentsia of Yakutia in the 1920s” Candidate of Historical Sciences E. Antonov turns his attention to the problem of forming new Yakut intelligentsia in 1920—1930s of the 20th century.